

Александр Невский

В.В. Долгов

Летописец не отметил даты рождения князя Александра, несмотря на то, что его отец Ярослав Всеволодович, князь Переяславля-Залесского, был на момент его рождения весьма значительной фигурой на русском политическом небосклоне — значительной ровно настолько, что на страницах Суздальской летописи был отмечен факт рождения его первенца — Фёдора. Когда Ярослав возвысился и стал великим князем Владимирским, летописец стал более детально фиксировать рождение его детей. Но Александр, будучи вторым сыном (из восьми), появился на свет в тот момент, когда по негласному летописному этикету Ярослав Всеволодович еще «не дорос» до той степени значительности, чтобы записывать рождение каждого его ребенка.

Поэтому исследователи вынуждены ориентироваться на то, что восьмилетний Фёдор и его младший брат Александр упоминаются в Новгородской Первой летописи (НПЛ) вместе: «Ярославъ поиде съ княгининею из Новагорода къ Переяславлю, а в Новгороде остави 2 сына своя, Федора и Александра, с Федоромъ Даниловицем и с тиуном», «Тои же зиме побежа Федоръ Даниловиць с тиуном Якимомъ, и понявши с собой два княжичя, Федора и Александра»¹. Из этого можно сделать вывод, что разница в возрасте между братьями была небольшой². По умолчанию считают, что она составляла год. Поэтому датой рождения Александра называют 1220 или 1221 год. Но разница могла быть и два года, и три. Самостоятельно, без матери, под присмотром боярина и тиуна ребенка могли оставить, едва он вышел из грудного возраста. Следовательно, хронологический зазор даты рождения Александра весьма широк.

Родители князя Александра состояли в кровном родстве, которое, впрочем, было достаточно дальним. Издревле церковные правила запрещали браки до шестой степени включительно. Дистанция же между отцом — князем Ярославом Всеволодовичем и матерью — Фе-

Долгов Вадим Викторович — доктор исторических наук, профессор Удмуртского государственного университета.

досией-Ростиславой Мстиславовной составляла семь степеней (или, говоря языком генеалогии, «рождений»). И по мужской, и по женской линии Александр являлся потомком Юрия Долгорукого, который был дедом его отца Ярослава и приходился пра-пра-прадедом его матери Феодосии.

Константинопольский Собор 1168 г., по инициативе патриарха Луки Хрисоверга, предписал расторгать браки между супругами, состоявшими в седьмой степени бокового кровного родства, но до Руси канонические новации доходили медленно. Еще и в XIV в. в тексте Софийской Кормчей седьмая степень родства при заключении брака называлась разрешенной³. Однако можно сказать, что этот брак был заключен «на грани» дозволенного, что, впрочем, было в княжеской семье обычным делом. При всей многочисленности потомков Рюрика найти семейство, отстоявшее на нужное количество колен, располагавшее невестой на выданье и подходившее по политическим мотивам, было непросто. Нередки были случаи, когда ради политических целей браки заключались с нарушением церковных запретов⁴.

Впрочем, в данном случае политический расчет выглядит весьма загадочно. В качестве новгородского князя Мстислав Мстиславич Удатный постоянно враждовал и со своим будущим сватом князем Всеволодом III Большое Гнездо, и с зятем — Ярославом Всеволодовичем. Причем, вражда эта, начавшись до возможного времени заключения брака, продолжилась и после него.

Видимо, решающим в данном случае был не столько военно-политический, сколько чисто семейный, генеалогический расчет. Подходящие невесты княжеского рода, удовлетворявшие церковным правилам, судя по всему, были в большом дефиците. Показательна фраза, вложенная в уста Ярослава неизвестным автором «Повести о битве на Липице». В 1216 г. произошла Липицкая битва, в которой Ярослав потерпел жесточайшее поражение от своего тестя. Согласно «Повести», Ярослав был сильно расстроен не столько военным проигрышем, сколько тем, что Мстислав отозвал к себе свою дочь, его жену. Умоляя тестя Мстислава Удатного вернуть ему Ростиславу-Феодосию, Ярослав сказал: «Чи не бывает поточи княземь? А мене по правде кресть убил»⁵. То есть, по мнению князя, политические противоречия — это одно дело, за них он принимает наказание от Бога (то есть от «креста»), и лишать его за это жены нет никакой причины — это сфера отдельная.

Дата заключения брака в летописи не упомянута. О ней можно судить лишь косвенно. Как было сказано, после поражения на Липице, Ярослав был вынужден вернуть жену тестю. Остается предположить, что невеста была передана жениху незадолго до Липицкой битвы, и брак еще не был заключен положенным образом. Иначе, возвращение Мстиславу дочери вряд ли было возможно. Через четыре года после этих событий суздальская летопись фиксирует появление первенца — Фёдора — старшего брата легендарного князя. Произошло оно в 1228 г. (или, по мнению В.А. Кучкина, в феврале 1220 г.)⁶. Очевидно, на каком-то этапе Феодосия была возвращена мужу. Однако это возвращение в источниках никак не отразилось. Поэтому личность матери Александра Невского и история начала ее взаимоотношений с Ярославом Всеволодовичем остается во многом спорной⁷.

Нарекли князя необычным именем. Потомков Рюрика с именем Александр в древнерусские времена было всего трое. Причем, первым из них был именно герой настоящей статьи. Важно понимать, что Александр родился в эпоху смены традиции имянаречения. Обычно у русских князей было два имени — «княжеское», языческое, основное, то имя, под которым князь выполнял свои государственные функции и фиксировался летописью, и другое — крестильное. Область применения крестильного имени была уже — под ним князь представлял «перед Богом», оно использовалась в церковном обиходе. Причем, обычай двуименности был освящен и легитимизирован авторитетом св. Феодосия Печерского, который считал его достоинством православного обычая перед католическим⁸.

Наиболее полный список сыновей Ярослава содержится в Типографской летописи: «Ярослави сынове: Феодоръ, Александръ, Андрей, Костянтинъ, Афонасей, Данило, Михаиле, Ярославъ, Василей Костромской»⁹. Как видим, «княжеское» имя в нем всего одно — Ярослав, в крещении называвшийся Афанасием¹⁰. Все остальные дети Ярослава вступали на историческую арену под своими крестильными, христианскими именами.

По обычному в эпоху средневековья порядку, Александра стали привлекать к выполнению княжеских обязанностей с самого юного возраста. Начало XIII в. было временем, относительно спокойным для Руси. Извечные степные враги — половцы — были прочно замирены и во многих случаях выступали союзниками русских князей. Степная знать породнилась с русской: многие князья брали в жены половецких принцесс, обеспечивая себе поддержку кочевых кланов. Опасность с запада также была еще невелика. Папские агенты только начали свое проникновение в Прибалтику. В 1202 г. в Риге был основан орден меченосцев с уставом храмовников, сыгравший важную роль в распространении католичества в регионе. Однако давление католической экспансии в прибалтийском регионе в то время принимала на себя в основном Полоцкая земля. Главной же опасностью, с которой сталкивались в начале XIII в. русские князья, были они сами. Страну раздирали кровавые междоусобицы. Враждовали между собой несколько ветвей Рюрикова рода. Каждая из них стремилась закрепить за собой максимальную территорию, что давало возможность получать максимальный доход, увеличивать численность дружинных отрядов, а это, в свою очередь, открывало возможность новых завоеваний.

Новгород был важной фигурой в политической жизни Руси. За контроль над ним боролись представители суздальской и черниговской ветвей. Зачастую главы княжеских группировок сами не могли сесть на новгородский престол — их отвлекали события, происходившие в стратегически важных южных и северо-восточных частях Руси. И тогда отцов на престоле Великого Новгорода замещали сыновья. Традиция эта была заложена еще князем Святославом I Игоревичем, отправившим на княжение в Новгород малолетнего Владимира — будущего крестителя Руси. Некоторое время новгородский престол воспринимался как следующий по значению за киевским. С новгородского стола начал активную княжескую карьеру и Ярослав Мудрый.

Князья XII—XIII вв. продолжили традицию, заложенную их предками. Уже в 1230 г. Фёдор и Александр были посажены отцом в каче-

стве князей в Новгороде. Нетрудно сосчитать, что старшему из них было всего десять лет. Причем на новгородском престоле братья сменили князя Ростислава Михайловича, представителя черниговской династии, которому в момент вступления на престол было три года, а на момент, когда новгородцы «показали ему путь» — четыре¹¹. Это, конечно, не был «детский дворцовый переворот». За спинами детей стояли их княжеские кланы.

Вместе с тем, малолетние князья в некотором смысле действительно заменяли своих отцов. Понятно, что предводительствовать в битве или вести переговоры 10-летний ребенок не мог. Но функции сакральной фигуры и символа вершины социальной иерархии исполнял не хуже взрослого. Кроме того, нужно принимать во внимание мощнейший воспитательный аспект. Юный князь с самого детства привыкал к делам управления.

Самостоятельное княжение Александра началось в 1236 году. Отец, князь Ярослав, ушел княжить в Киев. И не просто оставил сына в Новгороде, как бывало раньше, а именно «посадил», то есть сделал князем уже вполне официально¹².

Безвестный автор «Жития Александра Невского» рисует нам князя красивым человеком, громогласным, сильным и смелым: «Но и взоръ его паче инех человекъ, и глас его — акы труба в народе, лице же его — акы лице Иосифа, иже бе поставиль его египетский царь втораго царя въ Египте, сила же бе его — часть от силы Самсоня, и даль бе ему Богъ премудрость Соломоню, храборъство же его — акы царя римскаго Еуспесиана, иже бе плениль всю землю Иудейскую»¹³. Нужно, однако, понимать, что это не «словесный портрет», а, скорее, «словесная икона», призванная показать князя личностью библейского масштаба.

На настоящих иконах Александра принято было изображать либо в виде схимонаха (князь перед смертью принял схиму под именем Алексей), либо в виде сидящего на коне воина. Вот как описывают внешность князя иконописные «подлинники» (словесные инструкции для иконописцев) XVI—XVII вв.: «брада аки Козмина, в схиме, кудерцы видеть маленько из-под схимы, риза преподобническая, испод дымчат, в руке свиток сжат, сам телом плечист». Там же, где Александр изображался в виде князя-воина, писать его следовало так: «преподобный Александр Невский аки Георгий: риза — киноварь, испод — лазорь»¹⁴.

Начиная с эпохи петровских реформ, преобладающим стал тип иконы, на которой князь изображался «в княжеской одежде или в горностаевой мантии, в броне, с лентой своего ордена через плечо, в царской короне или в шапке из горностаея, с крестом и нимбом над головой, с мечом в левой руке и на коне»¹⁵. Увы, изображения на иконах могут дать нам представление не о реальной внешности князя, а лишь о том образе, который закрепился за ним. Восстановление внешности князя по методике М.М. Герасимова также проблематично, хотя его мощи сохранились.

В 1239 г. князь Александр женится. Невестой его стала дочь полоцкого князя Брячислава Васильковича. Однако на этом достоверная информация о женах Александра заканчивается. В.Н. Татищев называет дочь полоцкого князя Параскевой. Откуда взял это имя

«последний летописец» не ясно ¹⁶, сам он не указывает источник своей информации. Н.И. Карамзин отмечает, что в Успенском княгинином монастыре во Владимире «стоят три гроба: первый (как означено в надписях) Великой княгини Александры, супруги благоверного князя Александра Невского, второй дочери его, княжны Евдокии; а третий (на левой стороне), благоверной княгини Вассы, второй супруги Александра Невского» ¹⁷. Свидетельство Карамзина выглядит более надежным. Могилы эти можно было наблюдать еще и в начале XX века ¹⁸. Однако монастырский храм, в котором рассматривал гробницы Карамзин, построен в XV в. на месте прежнего, разоренного в годы монголо-татарского нашествия. Велика ли вероятность, что могилы могли уцелеть? В советское время Успенский храм эксплуатировался сначала в качестве зернохранилища, потом как музей. Монастырское кладбище было уничтожено ¹⁹. Поэтому даже тот интерьер, который наблюдал Кармазин, до наших дней не сохранился ²⁰. Пролить свет на этот вопрос могло бы археологическое исследование подземелий храма.

По древнерусским представлениям женитьба означала полное совершеннолетие и начало самостоятельной взрослой жизни, в которую юный князь тут же и включился. Рассказ о следующем, 6748 (1240) г., в Новгородской Первой летописи начинается с описания грандиозного нашествия: «Прдоша Свеи в силе велице, и Мурмане, и Сумь и Емь в кораблихъ множество много зело» ²¹. Случившаяся затем Невская битва обросла в отечественной культуре огромным шлейфом текстов, которые сами по себе служат интересным материалом для изучения.

Очевидно, наиболее простым и до известной степени непосредственным повествованием о Невской битве является сообщение Новгородской Первой летописи старшего извода, составленное современником «по горячим следам». Узнав о грозящей угрозе, молодой князь немедленно с отрядом новгородцев и ладожан «приде на ня, и победи я силою святыя Софья и молитвами владычица наша богородица и приснодевица Мария, месяца июля въ 15» ²². Разумеется, даже самый «непосредственный» рассказ не может считаться прямым «отражением» произошедшего события. Повествование летописца носит следы весьма распространенного во все времена желания изобразить воинский подвиг своих сограждан более весомым и значительным. Поэтому потери сил противника в сравнении с потерями новгородцев выглядят неправдоподобно большими: шведы загрузили мертвыми телами «вятшихъ» мужей два корабля, а остальных «бещета» зарыли в выкопанную яму. Новгородцев же вместе с ладожанами пострадало двадцать человек. Вряд ли летопись (как и любой другой документ) даст возможность ближе подойти к реальным обстоятельствам битвы. Но само это наивное стремление самими простыми средствами приукрасить битву является свидетельством близости автора сообщения к произошедшим событиям.

В дальнейшей литературной традиции повествование развивалось, накапливая дополнительные подробности как событийного, так и религиозно-символического характера. Произошла канонизация Невской битвы — изначально в контексте церковного, православного дискурса, а затем и светского, ученого и школьного. На определенном этапе

развития текстов, повествующих о Невской битве, у многих исследователей и исторических писателей возникло желание провести «деконструкцию нарратива» и ниспровергнуть заученные со школы штампы.

Определенная польза в этом исследовательском порыве была. Стало понятно, что не всем деталям летописного или агиографического текста, сколь бы «жизненно» они не выглядели, можно доверять. Однако, в целом, «деконструкция» увлекла ученых в крайность скептицизма и заставила усомниться в тех материях, которые, самым фактом «цитатности» или «центонности» (в терминологии И.Н. Данилевского) опровергнуты быть не могут. Понятно, что ход битвы, имена погибших, «божественные знамения» и пр. могут быть плодом авторского вымысла. Но факт большого интереса русских книжников к Невской битве, интереса, проявившегося в создании огромного количества текстов, — объективный факт. Следовательно, именно в *значении* этой битвы для древнерусского общества сомневаться не приходится вне зависимости от ее реальных масштабов.

Однако многие детали битвы остаются спорными до сих пор. Так, не ясно, кто возглавлял шведское войско. Согласно «Житию Александра Невского», его возглавлял король. Королем в Швеции в то время был Эрик Эрикссон. Однако в поздних русских летописях, а вслед за ними и в работах историков (начиная с Карамзина) называется имя двоюродного брата ярла Ульфа Фаси — Биргера Магнуссона. Версия эта, как недоказуемая, была отвергнута И.П. Шаскольским, показавшем, что имя Биргера возникает только в поздних списках Новгородской Четвертой летописи в XV веке. Источником сведений выступило «Рукописание Магнуша» — полемическое произведение, описывавшее неудачные походы шведов на Русь, написанное в начале XV века. По мнению Шаскольского, неизвестный автор «Рукописания» пользовался устной информацией, полученной от шведов. По мысли исследователя, эти шведы могли знать, что происходило 150—200 лет назад только очень приблизительно. Они помнили из той эпохи лишь Биргера-ярла, поэтому и указали его в качестве предводителя неудачного похода шведского войска, потерпевшего поражение в Невской битве.

Таким образом, проблема надежности этих сведений упирается в вопрос о том, что могли помнить шведы о событиях вековой давности? Многочисленные фольклорные примеры показывают, что народная память склонна впадать в ошибки скорее хронологические, чем фактические. Вряд ли человек эпохи средневековья мог сказать, в каком именно веке жил граф Роланд или Илья Муромец, но направление линий военного противостояния были запечатлены эпосом в целом верно. Если Биргер сохранялся в народной памяти шведов XIV—XV вв., то и основные вехи его жизни не могли из нее стереться. Сам панегирический характер фрагмента хроники, посвященный Биргеру, вряд ли допускал рассказ о неудачном походе. В свете сказанного интересны исследования останков Биргера, проведенные в 2002 году. Его череп нес следы ранения: надбровная дуга над правой глазницей рассечена. Локализация раны прямо соответствовала тексту «Жития»: «и самому королю възложи печать на лице острымь своимь копиемъ»²³.

Разумеется, вышесказанное не может считаться твердым доказательством того, что противником Александра Невского был именно

Биргер. Однако именно эта версия «примиряет» между собой множество фактов.

Во-первых, то обстоятельство, что сведения о походе отсутствуют в шведских источниках, — Биргер в то время не был еще ярлом, и его поход был не государственным, а его частным делом. По этой же причине наиболее близкая по времени летописная заметка именует вождя шведского войска князем, а написанное существенно позже «Житие Александра Невского» — королем. На момент составления летописной статьи он был младшим родственником ярла — значит,

по русским представлениям, именно князем, а когда составлялось житие — фактическим королем.

Во-вторых, именно личностью Биргера можно объяснить, почему не очень масштабная по числу участников береговая стычка постепенно обретала все больший и больший вес в русской книжной традиции. Значение росло пропорционально карьерным успехам Биргера и его потомков. Таким образом, победа над молодым и далеко не самым влиятельным шведским аристократом, одним из многих, постепенно превращалась в победу над правителем Швеции и основателем королевского рода.

Наиболее подробный рассказ о ходе сражения содержится в «Житии Александра Невского», которое было составлено (и это важно помнить) современником событий. В рассказе книжника содержится немало мистических пассажей и явно вымышленных деталей, вроде воспроизведения текстов уединенных молитв и частных диалогов персонажей. Однако нет никаких причин на этом основании подвергать сомнению сам сюжетный субстрат, в котором нет ничего невероятного или даже экстраординарного. Сличая тексты жития и летописи, мы можем видеть, что развитие повествования о Невской битве шло по линии метафизического осмысления событий. Именно этому и служили все вышеозначенные «книжные» элементы. Событийная канва в летописном и житийном повествованиях практически идентична.

В общих чертах рисунок боевых действий выглядел следующим образом. Шведы появились на территории, подконтрольной Новгороду, но, судя по всему, не имевшей постоянного русского населения. Обычно летописец конкретизирует географические координаты, ссылаясь на города и села, близ которых происходят события. В данном же случае он ограничивается указанием на то, что противник вошел в Неву и остановился в устье реки Ижоры (то есть, едва выйдя за границы современной городской черты Петербурга, в двухстах километрах от Новгорода). Таким образом, вторжение оставалось ка-

кое-то время незамеченным. Это давало шведам возможность неожиданно напасть на Ладогу. Именно таково было их намерение, по мнению летописца. Поэтому своевременное обнаружение шведского десанта летописец связывает с особой божественной заботой: «но еще преблагый, премилостивый человеколюбец богъ ублюде ны и защити от иноплеменникъ, яко всуе трудишася без божия повеления: приде бо вестъ в Новъгородъ, яко Свеи идутъ къ Ладозе»²⁴. Другими словами, обнаружение десанта, судя по всему, было делом счастливого случая. Это и дало возможность древнерусским книжникам построить на этом сюжетном моменте рассуждение о божественной защите.

Сюжет со своевременным оповещением об опасности был, видимо, очень важен для современников. Поэтому в «Житии» он получил дальнейшее развитие. Согласно этому писанию, более объемные сведения о вторжении Александру доставил «некто мужь старейшина в земли Ижерстей, именован Пелугий, поручено же бысть ему стража нощная морская». В районе р. Ижоры жили финно-угорские племена, которые в массе своей не были крещены. Но согласно «Житию», Пелугий был крещен, носил в крещении имя Филипп и вел богоугодный образ жизни. Он и сообщает князю «силу ратных» и их «станы». Однако, специфика агиографического текста такова, что главным в его сообщении выступает не военно-тактическая, а религиозно-мистическая составляющая. Пелугий-Филипп поведал князю о чудесном явлении ему насада (тип судна), в одиночестве идущего по морю. Гребцы этого насада сидели, «аки мглою одеянии». Зато ясно было видно, как посередь корабля стоят святые Борис и Глеб в красных одеждах. Святые стояли, возложив руки друг другу на плечи. Борис, произнес: «Брате Глебе, вели грести, да поможем сроднику своему князю Александру»²⁵.

Вопрос о том, что в действительности видел ижорский старейшина, мы оставим за скобками. В науке неоднократно обсуждался вопрос, что «непосредственное», «наивное», «основанное на здравом смысле» восприятие средневековых текстов может привести исследователя к ошибочным выводам. Однако крайность гиперкритицизма тоже может завести в дебри. По всей видимости, Александр на самом деле получил известия о высадке противника от дружественного вождя соседнего финно-угорского племени.

Дальнейшие события и летописью и житием также изображаются в общих чертах одинаково. Помолившись в главном новгородском храме св. Софии, Александр устремляется на врага и побеждает его. Ощущение особой достоверности текстам придает перечисление имен воинов, отличившихся во время битвы. В житийном тексте перечислены, судя по всему, дружинники Александра, а в летописном — простые новгородцы, погибшие на поле боя.

Атака была произведена на пришвартованные корабли и лагерь, разбитый на берегу. «Житие» отмечает шестерых особенно отличившихся героев битвы. Знаменитый предок А.С. Пушкина Гаврила Олексич — «се наеха на шнеку виде королевича, мча подъ руку, и възъеха по досце и до самогу коробля, по ней же хожаху с королевичем, иже текоша передъ ним, а самого, емше, свергоша и с конем в воду з доски. И Божьею милостью неврежень бысть, и паки наеха, и бися с самем воеводою среди полку ихъ»²⁶. Новгородец Сбыслав Якуно-

вич бился одним топором, «не имея страха въ души своей». Полочанин Яков напал на врага с одним мечом, чем заслужил похвалу князя. Новгородцу Меше «с дружиною своею» удалось потопить три шведских корабля. Другой дружинник из полка Александра, «от молодыхъ его» (то есть из младшей дружины), въехал на коне «в шатерь великий королевъ золотоверхий и подъсече столпъ шатерный. Полци Олександрови, видевше шатра паденье, върадовашася». Шестой герой — «от слугъ его (Александра. — В.Д.) — именем Ратмеръ. Се бися пешь, и отсупиша и мнози. Он же от многих ранъ паде и тако скончася».

Странное на первый взгляд для житийного текста описание примеров воинской удали дружинников тесно связано со специфическим пониманием характера святости Александра, который являл собой тип святого воина, а не святителя или страстотерпца.

Для Александра эта битва стала боевым крещением. То, что глава государства лично возглавил атаку на врага, было в порядке вещей. От древнерусского князя ждали личного участия во всех предприятиях. В битве он увлекал войско своим примером, выступая впереди всех на лихом коне. На войне хороший князь сам, не полагаясь на воевод, устраивал наряд сторожевой службы, на охоте — ловчий наряд, в церкви — наряд церковной службы. Дома он вникал во все мелочи организации хозяйства, не перепоручая заботу об этом ни тиуну, ни отроку. Сам творил суд, сам встречал гостей, сам проявлял удаль на охоте, сам говорил на иностранных языках. Таким представлен идеальный князь в «Поучении» Владимира Мономаха. Набор прекрасных личных качеств составлял его «личный капитал», обеспечивающий ему авторитет, сходный с авторитетом «старших мужчин» родовой эпохи. Этим древнерусские реалии отличались от византийских. Как было показано И.С. Чичуровым, образ идеального правителя, сложившийся в византийской политической мысли, имел совсем иные черты: «Развитой государственно-бюрократический аппарат ставил василевса прежде всего перед необходимостью контроля за ним. Неудивительно поэтому, что в византийских “княжеских зеркалах” мы не встретим трактовки личных трудов императора, подменяющих деятельность должностных лиц»²⁷. Общественное развитие Руси не зашло еще настолько далеко, чтобы изжить представление о князе как о вожде, который должен быть лучшим во всем²⁸. Александр Невский — характерная фигура русского средневековья.

Однако блестящая победа на Неве не уберегла Александра от конфликта с новгородцами: «В то же лето, той же зимы выиде князь Олександръ из Новагорода къ отцю в Переяславль съ матерью и с жаною и со всем двором своимъ, роспревся с новгородци»²⁹. Это привело к активизации действий немцев в регионе. Поэтому уже в следующем, 1241 г., Александр вернулся. Его возвращение отмечено летописцем традиционным упоминанием о том, что новгородцы «ради быша». И радость их была вполне закономерна. Александр вновь проявил себя решительным полководцем и сразу после возвращения взял занятый немцами город Копорье, захватив пленных.

1242 г. был отмечен битвой, «канонизированной» в отечественной культуре не менее Невской. «Ледовое побоище» — сражение между русским войском, представленным новгородским и суздальским полками — с одной стороны, и войском немецким, костяк

которого составляли рыцари Ливонского ордена — с другой. Помимо сил Ливонского ордена (представлявшего на тот момент филиал Тевтонского ордена в Прибалтике) с «немецкой» стороны в битве участвовал отряд Дорпатского епископа Германа фон Бекесховедена и отряды «чуди», то есть представителей местных финно-угорских племен.

Научных и околонаучных споров «Ледовое побоище» вызывает меньше, чем Невская битва, поскольку информация о нем содержится не только в русских, но и в зарубежных источниках. Новгородская Первая летопись и Старшая ливонская рифмованная хроника одинаково изображают последовательность событий и тактический рисунок битвы.

Новгородцы под командованием Александра совместно с отрядом «низовцев» (суздальцев), возглавляемых братом Александра Андреем, неожиданно взяли захваченный немцами Псков, а затем вторглись в земли чуди. Понимая, что своими силами ему не справиться, епископ Дорпатский обратился за помощью к рыцарям Ливонского ордена. Магистр немедленно откликнулся и привел с собой «многих отважных героев, смелых и отборных»³⁰.

Передовой отряд новгородцев под командованием Домаша Твердиславича и Кербета «быша в разгоне» и случайно столкнулся с немецким отрядом. Произошла битва, в которой русский отряд был разбит, а Домаш Твердиславич — «муж честен», брат новгородского посадника — погиб. Остатки отряда «къ князю прибегоша в полкъ». И князь «въспятися» (то есть отступил) на лед Чудского озера, где и произошла битва.

О точном месте сражения ученые спорили очень долго. Грандиозное комплексное исследование этого вопроса было проведено в 60-х гг. XX в. в ходе экспедиций под руководством Г.Н. Караева. Окрестности озера исследовались археологами, этнографами, геодезистами, акватория озера — гидрологами, а дно — водолазами. В результате была реконструирована схема событий, которая по сей день является самой аргументированной версией локализации битвы³¹.

Немцы начали битву таранным ударом «свиньей», прорвав ряды передового отряда лучников. В Новгородской летописи это описывается так: «И наехаша на полкъ Немци и Чудь и прошибошася свиньею сквозе полкъ, и бысть сеча ту велика Немцемь и Чуди»³². Рифмованная хроника сообщает:

«Выстроившись перед войском короля
Видно было, что отряд братьев
Строй стрелков прорвал»³³.

Началась жестокая битва. «Был слышен звон мечей, И видно, как раскалывались шлемы»³⁴, — так рисует картину битвы Рифмованная хроника. «Бе же тогда субота, въсходящю солнцю, и съступишася обои. И бысть сеча зла, и трусь от копий ломления, и звукъ от сечения мечнаго, яко же и езеру померзьшю двигнутися, и не бе видети леду, покры бо ся кровию»³⁵, — так битва описана в «Житии Александра Невского».

Далее сражение развивалось именно так, как это привычно изображали в школьных учебниках. После прорыва строя лучников ор-

денское войско двинулось вперед, но было атаковано с флангов и оказалось в окружении:

«Те, кто были в войске братьев,
Оказались в окружении.
У русских было такое войско,
Что, пожалуй, шестьдесят человек
Одного немца атаковало.
Братья упорно сражались.
Все же их одолели»³⁶.

Понятно, что соотношение 1 к 60 — маловероятно. Но в остальном картина, нарисованная немецким хронистом, сомнений не вызывает. Собственно, иного тактического ответа на прорыв строя рыцарским клином дать было невозможно. И Хроника и Новгородская Первая Летопись сообщают, что часть немецкого войска была повергнута в бегство, а часть погибла. Новгородская летопись: «А Немци ту подоша, а чудь даша плеща; и, гоняче, биша ихъ на 7-ми версть по леду до Субольчьскаго берега; и паде чюди бещисла, а Немець 400, а 50 руками ящя и приведоша в Нюьгородъ»³⁷. Рифмованная хроника:

«Часть дорпатцев вышла
Из боя, чтобы спастись.
Они вынуждены были отступить.
Там двадцать братьев остались убитыми
И шестеро попали в плен.
Так прошел этот бой»³⁸.

Некоторые спорные моменты есть, конечно, и в истории Ледового побоища. Прежде всего, бросается в глаза разница в численности погибших и плененных немцев. Но, как уже говорилось выше, число жертв — это цифры, которым менее всего можно доверять, если речь идет об описании боевых действий (причем, не только в эпоху средневековья, но во все времена). Кроме того, следует принять во внимание, что автор Хроники ведет учет только пленным «братьям», то есть рыцарям, которые были членами ордена, а летописец считает всех «Немец».

Кроме того, не вполне ясен следующий момент. Из текста Новгородской Первой летописи следует, что Александр выстроил войска на льду Чудского озера и, победив, гнал вражье войско: «и, гоняче, биша ихъ на 7-ми версть по леду до Суболичьскаго берега»³⁹. В Рифмованной же хронике, которая, как было показано, достаточно близко летописи передает ход событий, говорится, что «с обеих сторон убитые падали на траву»⁴⁰. При общем совпадении канвы повествования в Летописи и в Хронике такое разночтение выглядит странным. Исследователи видят в этой фразе («падали на траву») либо идиоматическое выражение, обозначающее гибель в бою, либо отражение реальности (торчащий из-под льда на мелководье камыш)⁴¹.

Кроме того, не ясно, имела ли место в реальности сцена, столь ярко показанная в знаменитом фильме Эйзенштейна, когда рыцари проваливаются под лед озера? Упоминание об этом содержится только в Псковской Третьей летописи («а иных вода потопи»⁴²), являющейся сводом XVI в., и вполне может быть домыслом летописца, знавшего, что в апреле лед уже некрепок (тем более, лед Чудского озера, со дна которого бьют теплые ключи).

Тем не менее, сомнительными остаются именно детали, не дающие основы для тотальной дискредитации данных исторических источников, которую производит в своей работе Дж. Феннел. Английский историк считает, что величина сражения преувеличена ⁴³.

В качестве критерия оценки он использует количество погибших, что уже само по себе странно, поскольку сложно ожидать от хронистов и летописцев точных и объективных данных о количестве жертв, как в своих рядах, так и в рядах противника. Нет никакого постоянного коэффициента, по которому можно было бы подойти к определению реальных цифр. Поэтому всякая арифметика в этом деле выглядит весьма наивно.

Кроме того, даже если рассуждать в рамках этой небезупречной логики и полностью доверять только немецким источникам, цифры все равно получаются достаточно весомые. Рифмованная хроника указывает, что в ходе Ледового побоища были убиты двадцать рыцарей и шесть взяты в плен. Хроника Тевтонского Ордена (XV в.) называет суммарные потери при освобождении Александром Пскова и Ледовом побоище (события эти происходили последовательно и были составными частями одного похода новгородского войска) — семьдесят ливонских рыцарей ⁴⁴. Если исходить из того, что сам Феннел считал число рыцарей в обоих орденах (Тевтонском и Ливонском) в тот момент равным примерно сотне ⁴⁵, то потери могут быть названы, как минимум, внушительными.

Если же перейти от количественных критериев к качественным и проанализировать тексты письменных источников с точки зрения их оценок произошедшего, то ситуация выглядит существенно проще. И в Старшей ливонской рифмованной хронике, и в Новгородской Первой летописи событие это представлено как весьма значительное: трагичное для рыцарей и радостное для новгородцев. В целом, знакомая со школьных уроков истории схема без особого труда выдерживает «деконструкцию нарратива».

Для понимания роли Александра в противостоянии Руси католическому влиянию большое значение имеют адресованные ему послания римского папы Иннокентия IV. Эти послания сохранились в собраниях Ватикана благодаря тому, что при папском престоле уже в XIII в. функционировал отлаженный бюрократический механизм: исходящая корреспонденция составлялась в двух экземплярах, один из которых посылался адресату, а другой сохранялся в архиве. Благодаря этим документам, мы имеем возможность взглянуть на события не только глазами древнерусских книжников, но и с точки зрения папских дипломатов.

Взгляды эти существенно разнятся. Сведения о посещении Александра папскими легатами содержатся в «Житии». Результат встречи в нем показан как весьма решительный отказ князя от какого бы то ни было сотрудничества с папой. Автор житийного текста вкладывает в уста Александра гордую речь: «Отъ Адама до потопа, от патопа до разделения языкъ, от размешения языкъ до начяла Авраамля, от Авраама до проитиа Иисраиля сквозе море, от исхода сыновъ Иисраилевъ до умертвия Давыда царя, от начала царства Соломона до Августа и до Христова рожества, от рожества Христова до страсти и воскресения, от въскресения же его и на небеса възшества и до царства

Константинова, от начала царства Константинова до первого збора и седмаго — си вся добре съведаемъ, а от вас учения не приемлем»⁴⁶. Князь перечисляет основные вехи священной истории для того, чтобы показать, что он вполне осведомлен о христианском взгляде на историю человечества и поэтому не нуждается в принятии нового учения. Послы были вынуждены возвратиться восвояси.

В папских посланиях Александр выглядит иначе. Следует отметить, что в посланиях очень детально проговаривается не столько позиция автора, сколько, как ни странно, позиция адресата.

В первом послании папа обращается к князю, называя его благородным герцогом Суздальским (по фамильной принадлежности). Из послания видно, что, по мнению папы, отец Ярослава перед смертью принял католичество. В связи с этим, папа приглашает Александра последовать примеру отца, аккуратно намекая, что в случае признания власти папы, силы Тевтонского ордена могут быть направлены на помощь против татар.

Казалось бы, послание должно существенно изменить наши представления о церковно-политической ситуации в северо-восточной Руси. Принявший католичество великий князь Владимирский — это серьезно. Почему же никто из историков не спешит вносить коррективы в привычную концепцию развития отношений Руси с папским престолом?

Дело в том, что Иннокентий IV указал источник сведений о крещении князя — сообщение Иоанна де Плано Карпини: «... как стало нам известно из сообщения возлюбленного сына, брата Иоанна де Плано Карпини из Ордена миноритов, поверенного нашего, отправленного к народу татарскому, отец твой, страстно вожделев обратиться в нового человека, смиренно и благочестиво отдал себя послушанию Римской церкви, матери своей, через этого брата, в присутствии Емера, военного советника. И вскоре бы о том проведали все люди, если бы смерть столь неожиданно и счастливо не вырвала его из жизни»⁴⁷. Между тем, упомянутый Иоанн оставил подробнейшее описание своего путешествия, в котором ни словом не упоминает о таком крещении. По мнению В.И. Матузовой и Е.А. Назарова, в своем донесении о результатах дипломатической миссии посол преувеличил свои успехи, но не стал этого делать в произведении, написанном для потомков⁴⁸. То есть папа не располагал всей полнотой информации о происшедшем.

Что конкретно ответил Александр на это послание — неизвестно.

Однако можно с уверенностью сказать, что это не был решительный отказ, поскольку за первым посланием последовало второе. В нем Иннокентий IV именует Александра уже «сиятельным королем Новгорода». Общий тон послания отличается от первого. Он уже не вкрадчиво-осторожный, а уверенно-ободренный. В нем папа излагает свой взгляд на самого Александра. По его мнению, «король» «прозорливо обрел путь», который позволит ему «весьма легко и быстро достичь врат райских». Папа выражает глубокое удовлетворение тем, что Александр предложил воздвигнуть в Пскове кафедральный собор для латинян. Иннокентий IV пишет: «Мы, нежно заключая тебя как избранного сына Церкви в объятия наши, испытываем чувство умиления, равное тому чувству сладости Церкви, что ощутил ты, обрета-

ющийся в столь отдаленных краях, там, где множество людей смогут по примеру твоему достичь того же единения»⁴⁹.

Казалось бы, после столь трогательных строк между переговаривающимися сторонами должно наступить полное взаимопонимание и согласие. Может создаться впечатление, что Александр заключил едва ли не союз с католиками, и тогда, конечно, житийный образ новгородского князя не имеет ничего общего с реальностью.

Но такой вывод был бы слишком поспешным. Для анализа этого противоречия нужно, во-первых, принять во внимание некоторую дезориентацию папы относительно реальных успехов католической проповеди на Руси, очевидную из первого послания. Отчасти из-за стремления агентов выглядеть лучше в глазах священноначалия, отчасти из-за дипломатического стремления самого папы представить отношения лучше, чем они есть на самом деле, тон посланий в своей оптимистичности вряд ли соответствовал реальному положению вещей.

Во-вторых, необходимо принять во внимание время, когда были написаны эти послания, — 1248 год. В эту пору Александр находился в Орде и был занят урегулированием других, гораздо более насущных проблем. Отвергать «мирные инициативы» папского престола, да еще сдобренные намеком на возможную военную помощь, в таком положении не имело смысла.

В-третьих, и это, пожалуй, самое важное, ожидаемого продолжения начавшееся, казалось, успешно общение не имело. В отличие от Даниила Романовича Галицкого, дошедшего в своих отношениях с курией до венчания князя папскими легатами королевской короной, Александр Ярославич на последнее послание папы не ответил. Оптимизм понтифика оказался преждевременным. Отношения были полностью заморожены и более не возобновлялись. Папским агентам пришлось искать другого претендента на роль католического короля Руси. И он был найден. Летописная статья⁵⁰ о принятии королевского титула Даниилом Галицким в 1255 г. предельно ясна: папа присылает Даниилу «послы честны, носяще венець, и скипетръ и короуноу еже наречетесь королевский санъ». Сначала князь отказался от ничего не значащей для него чести, но потом, получив заверения в помощи против татар, которая пойдет «в приложение» к короне, «Данило же прия от Бога венець в городе Дорогычине». Помощи, однако, не последовало. И когда это стало понятно, Даниил перестал пользоваться королевским титулом и продолжил именоваться в летописном тексте князем. По всей видимости, пустота обещаний папы стала понятна Александру на более раннем этапе. Это уберегло его от напрасных надежд и попыток получить военную помощь в обмен на религиозную зависимость.

Описанные события разворачивались на фоне Батыева нашествия, которое обрушилось на Русь. Под 1238 г. летописец довольно подробно пишет о событиях, произошедших в различных районах страны. Однако, как известно, боевые действия не дошли до Новгорода. Поэтому уже следующий, 1239 г., отмечен только рассказом о женитьбе князя и строительстве «городков» по р. Шелони. Вплоть до 1242 г. татарская тема в Новгородской летописи не возникает. В 1242 г., в год Ледового побоища, Ярослав Всеволодович — отец Александра, взошедший на владимирский престол после гибели его старшего бра-

та Юрия — впервые едет в Орду договариваться. И это ему удается. Ордынские власти признают его права на титул и власть.

По этой причине еще Л.Н. Гумилёвым была запущена в оборот не имеющая абсолютно никаких оснований история о том, что Александр стал приемным сыном хана Батыя. Феннел, а вслед за ним и И.Н. Данилевский, А.С. Сахаров и пр., расценивают политику Ярослава и Александра как предательскую. Историки разрушают «пиитический миф», формируя представление о князе как о беспринципной фигуре. Однако эта точка зрения, получив весьма широкую популярность, не стала, тем не менее, решающей.

Весьма удачную «деконструкцию деконструкции» провел А.А. Горский, показавший, что большая часть выводов «деконструкторов» не имеет достаточного источниковедческого и даже чисто логического обоснования. Ярослав вряд ли мог получить весть от Юрия с просьбой о помощи — путь из Суздаля в Киев был перекрыт монголами. Оказать помощь в битве на р. Сити Ярослав также не мог — киевское войско в сложной ситуации не пошло бы помогать владимирскому князю в его борьбе, пока их самих беда не коснулась. То же касается и новгородского войска. Никаких ощутимых династических преференций Александр от монголов не получил — он взошел на престол по надлежащей очереди. Никаких результативных переговоров с папой Иннокентием IV Александр не вел и, как только стало ясно, что военная помощь крестоносцев не даст возможности освободить Русь от восточной напасти, всякое общение прекратил. Братьев не предавал. Рати татарские на Русь не наводил. Александр «действовал как расчетливый, но не беспринципный политик», — резюмирует свои доводы Горский⁵¹.

Важно отметить, что поездки в Сарай были чрезвычайно тяжелым делом. О том, какие трудности поджидали путешественника, пересекавшего из края в край евразийский континент, подробно написал в своем путевом отчете все тот же Иоанн де Плано Карпини (Джованни дель Плано Карпини). На то, чтобы достичь Каракорума в те времена уходило около года. Ехать нужно было на выносливых монгольских лошадках, обладавших умением находить корм под снегом. Европейские лошади не выдерживали трудностей пути — они не умели находить себе пропитание под снегом. Ночевки устраивались в чистом поле, поскольку огромные пространства, отделявшие Русь от Монголии были почти безлюдны: никаких селений, где можно было бы найти приют, даже обладая значительными средствами, не было.

Но по достижении цели путешествия настоящие трудности только начинались. Сам Плано Карпини посетил ханскую ставку в то самое время, когда там присутствовал отец Александра — великий князь владимирский Ярослав Всеволодович. Старейший князь Руси оказался там одним из многих, приехавших, чтобы почтить избрание нового хана. Его, совместно с многочисленными послами и коронованными особами — султанами, вождями и царевичами — держали за оградой Ставки. Плано Карпини отмечает, что среди всей этой толпы послов Ярослав и он сам получили высшее место. Это была честь, но весьма относительная. Монгольское гостеприимство было смертельно опасно. Итальянский монах пишет о великой чести, которой удостоился Ярослав. Ему из своих рук дала есть и пить мать хана Гуюка

— Туракина-хатун. После визита Ярослав занедужил и умер. Причем, «все тело его удивительным образом посинело. Поэтому все верили, что его там опоили, чтобы свободнее и окончательнее завладеть его землею»⁵². Умертвив отца, женщина звала к себе и сына — Александра — но тот не поехал.

Смерть была не единственным несчастьем, которое могло приключиться во время поездки. Монах-францисканец рассказывает о печальной судьбе юного черниговского князя Андрея, прибывшего в ставку к Бату-хану с вдовой старшего брата, убитого монголами. Юный князь приехал для того, чтобы просить хана не отнимать их земли. Решение хана было вполне в духе монгольских обычаев: он приказал юному князю взять в жены вдову старшего брата. Князь наотрез оказался. «А Бату тем не менее передал ее ему, хотя оба отказывались, насколько могли, их обоих повели на ложе, и плачущего и кричащего отрока положили на нее и принудили их одинаково совокупиться сочетанием не условным, а полным»⁵³.

Смерть и унижение в самых разных формах поджидали во вражеском стане на каждом шагу. Поездки в Орду требовали от князя больше выдержки и личного мужества, чем лихая сеча. И, тем не менее, в 1247 г Александр и Андрей Ярославичи вынуждены были поехать — решалась судьба великокняжеского престола. Александр получил Киев и был объявлен формальным великим князем всея Руси, а Андрей — северо-восточную столицу — город Владимир. Поскольку после разрушения монголами Киев лежал в руинах, Александр своей резиденцией определил Новгород.

Дальнейшие события вызывают у историков споры. Фактическая сторона дела такова: в 1252 г. Александр едет «в татары», поездка эта была связана с тем, что к власти в Каракоруме пришел новый хан — Менгу, отменивший все указы, пайцзы, рескрипты и ярлыки своих предшественников⁵⁴. Требовалось получить ярлык на княжение заново. Вернулся Александр, получив старейшинство⁵⁵. В том же году летопись отмечает странный бунт его брата Андрея, о котором сказано так: «В то же лето здума Андрей князь Ярославич с своими бояры бегати, нежели царем служити и побеже в неведому землю». Ответом на бунт был карательный подход — известная «Неврюева рать». Татарский царевич Неврюй разгромил полки Андрея и тот вынужден был, в самом деле, бежать. Место подавшегося в бега брата занял Александр, севший на Владимирский престол.

Как видим, на первый взгляд, наибольшую пользу из событий извлек именно Александр Ярославич, объединивший в своих руках власть над всей Русью. Это дало основание подозревать Александра в том, что «заказчиком» татарской рати был именно он. Однако при оценке названных событий следует учитывать, что пять лет спустя, в 1257 г., братья совместно поехали в Орду, и в дальнейшем никакой враждебности друг к другу не проявляли. Вряд ли такое было возможно после грандиозного предательства.

Вероятно, бунт Андрея был эмоциональной вспышкой, вызванной нежеланием ехать в Монголию. Нужно помнить, что даже в конце XV в., перед самым падением ордынского ига, перспектива битвы пугала Ивана III меньше перспективы личного визита к хану Ахмату.

В сложившейся ситуации старшему брату пришлось всю власть, а значит и ответственность взять на себя. Население северо-восточной Руси жестоко пострадало, но брат Андрей остался цел и невредим и смог со временем вернуться домой. Открытый бунт был ему прощен ордынскими властями, которые, в общем, были не склонны никому ничего прощать. Могло ли это случиться без действенного участия Александра? Вряд ли.

В целом, во второй половине жизни Александру Ярославичу приходилось решать гораздо более сложные «политические уравнения». В них не было уже ничего от героической ясности Невской битвы. Решительности и храбрости было недостаточно. Нужен был политический расчет и умение жертвовать второстепенным ради главного.

Примером такого «уравнения» может служить перепись населения, дошедшая до Новгорода в 1257—1259 годах. Новгородцы взбунтовались. По мнению многих исследователей, причины бунта были по сути своей религиозными. Перепись воспринималась как знак Антихриста⁵⁶. Горожане едва не перебили татарских численников. Движение увлекло даже сына Александра — юного князя Василия.

Важно, что особенно решительно против татар были настроены городские низы. Что могли знать новгородские «меньшие» люди о татарах в 1259 г., то есть двадцать лет спустя после Батыева нашествия, которым, к слову сказать, Новгород затронут не был? Ровным счетом ничего. Поколение сменилось — исчез страх, исчезло и понимание. Но Александр знал, какое может последовать наказание. Он не раз бывал в Орде, представлял себе силу и жестокость ханской власти. Поэтому он сам весьма жестко усмирил новгородцев и дал возможность ханским чиновникам пересчитать дворы. Сына же в наказание отправил в Низовскую землю (то есть в Северо-Восточную Русь) — домой, под свой контроль. А вместо него посадил в Новгороде другого сына — Дмитрия.

Поступок его выглядит неприглядно: не поддержал вспышку патриотического подъема. Но его мировоззренческий горизонт был несоизмеримо шире, понимание ситуации глубже. Благодаря князю, Новгород не затронули масштабные татарские рати.

Смерть Александр принял, защищая Русь от очередной напасти, исходившей из Орды. По всей империи чингизидов шла активная борьба за власть. Для победы кроме золота нужны были воины, которых монгольские власти требовали, в том числе, и от Руси: «Бе же тогда нужда велика от иноплеменникъ, и гоняхут христианъ, веляще с собою воиньствовати. Князь же великий Александръ поиде к цареви, дабы отмолити людий от беды тоя».

«Отмолити людий от беды» Александру удалось. Однако поездка эта стала для него последней. Хан Берке, младший брат умершего уже к тому времени Батия, задержал его у себя. Александру пришлось зазимовать «в Татарехъ». Там он заболел. Возможно, причина болезни князя, которому едва исполнилось сорок лет, была та же, что свела в могилу его отца, — яд. Обрато он возвращался уже больным и до дома так и не доехал. Почувствовав скорую смерть, Александр остановился в поволжском городе Городце, где и скончался, приняв перед смертью монашеский постриг.

Тело его было привезено во Владимир и положено в монастыре Рождества Богородицы. Согласно «Житию», погребение сопровождалось чудом. В тот момент, когда Севастьян-эконом и Кирилл-митрополит хотели разжать его руку, чтобы вложить грамоту с разрешительной молитвой, он «акы живъ суши, распростерь руку свою и взят грамоту от руки митрополита».

Князь был похоронен, однако, приключения его на этом не завершились. Причем, коснулись они не только исторической памяти о его деятельности, но и его тела. В знаменательном для истории России 1380 г. его нетленные мощи были выставлены в соборе.

23 мая 1491 г. во Владимире случился пожар, уничтоживший почти весь город. Никоновская летопись сообщает: «згорел градъ Володимиръ весь и съ посады; и церковь Пречистыя Рождество в монастыре внутри града выгоре, и тело князя великого Александра Невского згоре»⁵⁷.

Однако в парадном Лицевом своде, а также в Синодальном списке Воскресенской летописи содержится иная история, озаглавленная: «Чюдо. О явлении на воздухе святаго и великого князя Александра Невскаго, и о пожаре Володимерскомъ», которая является, несомненно, поздней вставкой.

Согласно этой истории, пожар во Владимире действительно произошёл. Однако ему предшествовало чудесное явление: «отъ самого верха церкви тоя видеша необычно видение, яко облакъ легкий протязашеся, или яко дымъ тонокъ извивася, белостию же яко иней чистъ, светлостию же яко солнцу поподобообразно блещася, идеже тогда въ тонкости и светлости облака того видеша подобие образа блаженнаго великаго князя Александра на кони быстр яко къ небеси изимася яздеща»⁵⁸. Затем произошёл пожар. Церковь внутри вся выгорела вместе с людьми. Однако пелена, которой был покрыт гроб, оказалась нетронута огнем. Мощи уцелели.

В свете вышесказанного интересно было бы провести генетическую экспертизу имеющихся останков и сравнить результаты с живущими отпрысками рода Рюрика. Прямых потомков Александра Невского на сегодняшний день не осталось. Но вообще рюриковичей немало. Самые близкие из ныне живущих родственников Александра Невского — представители рода князей Шуйских, от младшего брата Александра — Андрея. Таким образом, технически такое исследование возможно. Но проведение его, в лучшем случае, дело будущего.

Примечания

1. ПСРЛ. Т. III. М. 2000, с. 66—67.
2. КУЧКИН В.А. О дате рождения Александра Невского. — Вопросы истории. 1986, № 2, с. 174—176.
3. Расписание степеней родства и свойства, препятствующих браку. Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб. 1880, ч. 1, с. 143.
4. ЛИТВИНА А.Ф., УСПЕНСКИЙ Ф.Б. Близкородственные браки Рюриковичей в XII в. как предмет вспомогательно-исторического исследования. В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXV международной научной конференции. Москва 31 января — 2 февраля 2013 г. М. 2013, ч. 1, с. 96—102.

5. Повесть о битве на Липице. В кн.: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб. 1997, с. 86.
6. КУЧКИН В.А. Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси. — Отечественная история. 1996, № 5, с. 2.
7. Известный исследователь генеалогии Н.А. Баумгартен предполагал наличие у князя третьей жены, которая и стала матерью его детей. См.: БАУМГАРТЕН Н.А. К родословию великих князей Владимирских. Мать Александра Невского. — Летопись Историко-родословного общества в Москве. М. 1908, вып. 4 (16), с. 21—23). Эта гипотеза была подвергнута основательной критике В.А. Кучкиным. Однако при всей убедительности его доводов считать проблему полностью разрешенной нельзя.
8. Поучения и молитва Феодосия Печерского. В кн.: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб. 1997, с. 448—450.
9. ПСРЛ. Т. XXIV. М. 2000, с. 227.
10. КУЧКИН В.А. О дате рождения Александра Невского, с. 174—176.
11. ПСРЛ, т. III, с. 70.
12. Там же, с. 74.
13. Житие Александра Невского. В кн.: Библиотека литературы Древней Руси, т. 5, с. 357.
14. БЕСКРОВНЫЙ А. Святой благоверный великий князь Александр Невский (иконы и церковно-монументальная живопись). — Православный взгляд. 2011, № 4 (15), с. 62.
15. Там же, с. 63.
16. ТАТИЩЕВ В.Н. История Российская с самых древнейших времен. СПб. 1784, с. 2.
17. КАРАМЗИН Н.И. История государства Российского. Т. 4. Примечания. СПб. 1918, с. 60.
18. КОСТКИН В.В., протоиерей. Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии, построенные до начала XIX столетия. Краткие исторические сведения с приложением описи сохраняющихся в них древних предметов. Владимир. 1906, ч. 1, с. 213.
19. МИНИН С.Н., священник. Очерки по истории Владимирской епархии. (X—XX вв.). Владимир. 2004, с. 11—13.
20. Сейчас внешнее оформление захоронений частично восстановлено. За предоставленную информацию автор выражает сердечную благодарность владимирскому историку С.Н. Тыновскому.
21. ПСРЛ, т. III, с. 77.
22. Там же.
23. Житие Александра Невского, с. 362.
24. ПСРЛ, т. III, с. 77.
25. Житие Александра Невского, с. 360.
26. Там же, с. 362.
27. ЧИЧУРОВ И.С. Политическая идеология средневековья. Византия и Русь. М. 1991, с. 149.
28. ФРОЯНОВ И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л. 1980, с. 35; ОДЕССКИЙ М.П. Поэтика власти в Древней Руси. — Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2000, № 1, с. 5.
29. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, стб. 78.
30. Рифмованная хроника. В кн.: МАТУЗОВА В.И., НАЗАРОВА Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII — 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М. 2002, с. 230.
31. Ледовое побоище 1242. В кн.: Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.-Л. 1966.
32. Рифмованная хроника, с. 230.
33. Там же, с. 234.
34. Там же.
35. Житие Александра Невского, с. 364.
36. Рифмованная хроника, с. 324.
37. ПСРЛ, т. III, с. 78

38. Рифмованная хроника, с. 233.
39. ПСРЛ, т. III, с. 78.
40. Рифмованная хроника, с. 234.
41. Там же, с. 240.
42. Псковские летописи. М. 1955, вып. 2, с. 82.
43. ФЕННЕЛ ДЖ. Кризис средневековой Руси. М. 1989, с. 143.
44. Хроника Тевтонского ордена. В кн.: Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища, с. 237.
45. ФЕННЕЛ ДЖ. Ук. соч., с. 145.
46. Житие Александра Невского, с. 366—368.
47. Послание папы Иннокентия IV князю Александру Ярославичу 23.1.1248. В кн.: МАТУЗОВА В.И., НАЗАРОВА Е.Л. Ук. соч., с. 264.
48. Там же, с. 266.
49. Послание папы Иннокентия IV князю Александру Ярославичу 15.IX.1248. В кн.: МАТУЗОВА В.И., НАЗАРОВА Е.Л. Ук. соч., с. 269—270.
50. ПСРЛ. Т. II. М. 1998, с. 826—827.
51. ГОРСКИЙ А.А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М. 2004, с. 223.
52. ДЖОВАННИ ДЕЛЬ ПЛАНО КАРПИНИ. История монгалов. М. 1957, с. 78.
53. Там же, с. 31.
54. КАРПОВ А.Ю. Александр Невский. М. 2010, с. 164.
55. ПСРЛ. Т. I. М. 1997, стб. 473.
56. КАРПОВ А.Ю. Ук. соч., с. 188.
57. ПСРЛ. Т. XII. СПб. 1901, стб. 229.
58. Там же, стб. 229—230; т. VIII. СПб. 1859, стб. 221—222.